

В настоящее время мы готовим новое предложение по принадлежности рек. Мы определяем реки как собственность Природы и обращаемся к странам Центральной Азии с предложением отразить это законодательно в конституциях. Такое осознание позволит рассматривать Природу как равноправного партнера в экономике, а вышеупомянутую корпорацию представлять как исполнительный орган Природы в человеческом сообществе. В этом случае часть прибыли, получаемой человеком в результате эксплуатации рек, будет направляться на восстановление рек, что будет гарантировать экологическую безопасность в регионе.

Нами разработаны все части предлагаемой структуры и все шаги по его внедрению. Эта структура будет способна решить множество проблем на основе экономической интеграции стран путем создания логических денежных циркуляций.

Основываясь на бассейновом принципе, эта новая структура будет служить инициатором будущего объединения людей, живущих вдоль единой реки. Мы дали имя этой структуре: «Эколого-экономическая

единица Биосферы» (ЕЕУВ). Такая ЭЭЕБ может быть построена вдоль любой реки, но легче всего ее создать в бассейне реки, целиком принадлежащей одному государству.

7. Далекое и ближайшее будущее.

Теперь вы можете видеть, как далеко между собой находятся наша реальная жизнь и наши мечты. Я далек от мысли, что при моей жизни проблема Арала будет решена. Если он погибал в течении 50-ти лет, то и на восстановление уйдет не меньше. Тем не менее, мы будем бороться за свое будущее и надеемся на помощь всего мирового сообщества, в том числе и Австралии. У них схожая с нашей природа, много пустынь, большой опыт в ирригации и борьбе с последствиями человеческого вмешательства в природу. Почему бы не попробовать объединить усилия и решить проблему достойным для человека 21 века путем?

**АРАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ СПАСЕН И
ВОССТАНОВЛЕН!**

Ю.С. Камалов

Союз Защиты Арала и Амударьи,
г. Нукус. Каракалпакстан, Узбекистан.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ РЫНКА ВОДЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ РЕК

Необходимость внедрения рынка воды в условиях Центральной Азии обуславливается ограниченностью водных ресурсов, их высокой востребованностью. Традиционная аграрная ориентированность экономик стран Центральной Азии при условии бурного роста населения заставляет искать пути эффективного использования воды, прежде всего, для нужд ирригации.

Вместе с тем, очевидные на первый взгляд меры, которые обычно предпринимают для повышения эффективности производства, такие как плата за воду, материальное стимулирование экономии воды и т.п., не работают. Это происходит по причине неразделенности государства и экономики, то есть централизации, как и было в период построения социализма. Монопольно владея сельхозпродукцией, прежде всего урожаем хлопка и риса, государство, в частности Узбекистан, считает невыгодным вкладывать средства во внедрение высокоэффективных технологий, если высвобожденная при этом вода просто уйдет в Арал. Она должна пойти на орошение новых земель, чтобы принести немедленную дополнительную прибыль. При этом не учитываются нужды природных экосистем, не учитываются права населения, проживающего вокруг Арала на

исторически сложившуюся здоровую окружающую среду. Не учитывается то, что в десятки раз уменьшившийся приток воды в дельты рек привел к полной деградации природной среды, к осушению моря, которое по праву принадлежит нескольким народам и странам. Вопрос о наличии права на море коренного населения вообще не поднимается ни на каком уровне. Но именно это право, формально внесенное в законодательные акты, могло бы стать основой для апелляции к государству с требованием экономить воду для Арала.

Арал считается уже обреченным, и вопрос о его восстановлении поднимается только некоторыми энтузиастами. Казахстан занялся спасением Малого моря, Узбекистан строит плотины для наполнения бывших дельтовых озер. Эти мероприятия направлены на создание микроклимата в дельтах рек Аму и Сыр, воспроизведения рыбы, растительности. Частично должны быть восстановлены и экосистемы, хотя, в первую очередь, речь идет о создании условий для выживания населения.

Вода в регионе есть, как есть и широкие технические возможности для ее экономии. Только по официальным данным, в ирригационных каналах, на пути к полям, теряется на фильтрацию в подземные

слои до 40% воды. Учитывая протяженность каналов, площадь многочисленных водохранилищ и самих полей, можно вычислить, что на испарение уходит не менее 30% воды. Непосредственно на полях, ввиду архаичности методов полива, на фильтрацию теряется не менее 15% воды. Можно смело утверждать, что эффективность использования воды в регионе не превышает 2-3%, с учетом биологической невозможности для растений взять больше 40% от доступной влаги.

Общий сток двух рек, питавших Арал, в среднем составлял 100 кубических километров в год. Для поддержки Арала на современном уровне нужно пропускать в него 20 кубокилометров воды в год. Элементарная облицовка русел каналов водостойким покрытием привела бы к экономии воды, достаточной для стабилизации уровня воды в Арале, позволила бы спасти экосистемы от безвозвратной деградации.

А ведь еще есть новые засухоустойчивые сорта сельхозкультур, эффективные методы полива, структуризация посевов и земель.

Как это ни странно, определенным тормозом на пути внедрения рынка воды в Узбекистане является наличие уже построенной в советское время ирригационной инфраструктуры. Не нужно тратить, как, например Афганистану, на новое строительство, можно брать из рек не столько, сколько нужно, а сколько захочешь, влияя тем самым на соседние страны. Затраты требуются только на ремонт и очистку ирригационной системы. То есть определенный урожай сельхозкультур можно вырастить не за счет интенсивного использования земель, а за счет использования больших площадей. При этом появляется возможность скрывать часть поливных земель для их частного использования. Не менее 50% населения, живущие в сельской местности, являются, по сути, слугами государства, выполняя план по сбору хлопка.

Тем не менее, главным барьером на пути внедрения рынка вообще, и рынка воды в частности, является сращение государства и экономики Узбекистана. Обладая монополией на производство хлопка, золота и других стратегических продуктов, Узбекистан формирует свой бюджет, мало завися при этом от развития частного бизнеса, от уплаты налогов предпринимателями.

Организация же рынка требует свободы предпринимательства, наличия, как минимум, двух субъектов рынка – хозяина товара и потребителя. Государственный аппарат при этом выполняет функции гаранта свобод и соблюдения стандартов. Свободный фермер просто не потерпит неэффективного использования всех ресурсов, за которые он расплачивается из своего кармана.

Казахстан, внедривший частное землевладение в южных областях, добился серьезной экономии воды и роста урожая хлопка, сопоставимого с доперестроечным уровнем.

Несмотря на выход правительственного постановления о построении рынка воды на основе бассейнового подхода, Узбекистан опасается перехода к реальному рынку по нескольким причинам.

1. Увеличение производительности сельского хозяйства приведет к высвобождению земли и, соответственно, сельского населения, а промышленность Узбекистана не готова обеспечить работой такое количество людей.

2. Появляющаяся в результате перехода к рынку прослойка богатых, независимых бизнесменов может оказаться нелояльной к существующему правительству, а управлять поновому правительство не умеет.

3. Возникающий в результате развития рынка интенсивный обмен информацией с зарубежными странами тоже может сделать управление постарому невозможным и привести к политической и социальной нестабильности внутри страны.

В условиях, когда отдельно взятое государство не предпринимает усилий в экономии воды, во внедрении эффективных технологий и, в конце концов, во внедрении рынка воды, большое значение приобретает политика соседних государств в области водопользования. Преследуя свои собственные интересы, часто диаметрально противоположные, государства Центральной Азии ставят друг друга в затруднительное положение. Например, водохранилища Кыргызстана, в советское время накапливавшие воду для полей Узбекистана и Казахстана, теперь работают в режиме выработки электроэнергии, не учитывая нужды стран соседей. В зимнее время, когда у соседних стран нет нужды в большом количестве воды, Кыргызстан спускает воду, вырабатывая электричество, летом же, когда вода в Узбекистане на вес золота, ограничивает сброс, накапливая воду для гидростанций. У Узбекистана появляется острая нужда в экономии поливной воды.

Иное давление на Узбекистан предпринимается со стороны Туркменистана. Дело в том, что головные сооружения ирригационных каналов, построенных на Амударье, оказались на территории Туркменистана и Узбекистану приходится платить за аренду земли, находящуюся под сооружениями и каналами на туркменской земле. Естественно, возникает необходимость более эффективно использовать воду, для компенсации затрат.

Кроме этого, быстрое экономическое развитие Казахстана притягивает население Узбекистана, заставляет многих мигрировать в Казахстан в поисках работы. Трудовая миграция ослабляет напряженность в Узбекистане, позволяет государству отложить реформы экономики на некоторое время. Однако Узбекистан рискует при этом сильно отстать в развитии, что еще больше усилит отток трудовых ресурсов из страны, ускорит обнищание населения и, как следствие, повысит вероятность социального взрыва. Такой поворот событий может надолго задержать решение проблемы Арала, которая давно переросла из

технической в политическую.

Идея поворота сибирских рек является одним из политических инструментов, посредством которого Россия пытается повлиять на ситуацию в Узбекистане.

В экономическом аспекте идея поворота не выдерживает никакой критики. Так или иначе, именно Узбекистану придется расплачиваться за сибирскую воду. При современных темпах развития Узбекистан не сможет этого сделать в ближайшие 200 лет. Но как инструмент политического влияния перебросочный канал очень удобен: не понравится что-то российскому руководству в Узбекистане – можно прикрыть кран и добиться послушания. По сути дела, Россия станет для Узбекистана такой же страной, как Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан, откуда в Узбекистан вода приходит сейчас и с которыми у Узбекистана столько проблем. Если бы сторонники переброски основывались на экономических преимуществах идеи, то гораздо выгоднее было бы вложить средства в облицовку каналов и получить доход не через 20 лет, а на второй год выполнения проекта. Если же сторонники переброски имеют цель спасти именно Арал, то логичнее было бы заняться восстановлением реки Тургай, протекающей по России и Казахстану и когда-то впадавшей в Арал. Если очистить русло этой реки, восстановить лес на берегах, то Арал получил бы дополнительные 3-4 кубокилометра воды в год. Собственно один из проектов переброски предполагает использование русла Тургай для направления вод Оби в Центральную Азию. Однако спасение Арала не предполагалось ни в одном проекте. Воду собирались направлять в пустыни исключительно для расширения посевов хлопка и других культур.

Для внедрения рынка воды на уровне всей Центральной Азии потребуются решить не только технические, но и философские задачи. Задачи по изменению мировоззрения. В частности, законы рынка требуют четкого определения статуса хозяина товара, полностью ответственного за количество, качество товара и своевременность его доставки потребителю. Кто может со всей полнотой ответственности выступить в роли хозяина воды, которому будут платить потребители? Отдельные государства или международные консорциумы?

Предложения выступить в роли хозяев воды сейчас поступают от Кыргызстана и Таджикистана, которые требуют платы за воду у нижележащих стран, мотивируя это тем, что водные ресурсы формируются на их территориях. Хотя эти предложения и вызывают недоумение и возмущение в Казахстане и Узбекистане, автор видит положительное зерно в этих идеях. Если «хозяева» воды действительно примут на себя ответственность за «товар» в полном объеме, будут гарантировать своевременность, качество и количество его доставки потребителю, будут страховать потребителя от засухи, наводнений, селей, а главное, будут содержать в порядке всю экосистему от гор и до моря, то такой порядок устроил бы нас, живущих в эпицентре экологического бедствия. Ведь устанавливать слишком высокую плату за воду они не смогут в любом случае, так как в противном случае они рискуют вообще остаться без денег. Так или иначе, есть основа для ведения переговоров и развития идеи рынка воды в Центральной Азии.

**АРАЛ ДОЛЖЕН БЫТЬ СПАСЕН И
ВОССТАНОВЛЕН!**

Е.С. Тыргышный

Технический консультационный комитет
Водного партнерства Казахстана

РОЛЬ ВОДНОГО ПАРТНЕРСТВА КАЗАХСТАНА В РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЛАН ИУВР И ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДЫ В КАЗАХСТАНЕ»

Осенью 2003 г. в Казахстане было инициировано Водное Партнерство¹ для объединения сил и навыков, создания новой этической ответственности водопользования в обществе через разъяснение, взаимное информирование и образование. На третьей Центрально-Азиатской научно-практической конференции «Водное партнерство Центральной Азии» 26 мая 2004 г. в Алматы, при поддержке Глобального Водного Партнерства, состоялась инаугурация Национального Водного Партнерства Казахстана – национальной водной сети, поддерживающей идеи интегрированного

управления водными ресурсами (ИУВР). Участниками было принято «Рамочное соглашение о партнерстве в водном секторе Республики Казахстан» и избран Технический консультативный комитет Водного партнерства Казахстана из семи человек.

В июле 2004 г. начался проект «Национальный план ИУВР и эффективного использования воды в Казахстане» при содействии ПРООН и Глобального Водного Партнерства на средства, выделяемые Правительством Норвегии. Главными задачами проекта являются: помощь в разработке национального плана интегрированного управления водными